

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ТЕРРИТОРИИ И НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВОЕННОЙ ОККУПАЦИИ

Актуальность данной темы состоит в том, что несмотря на принятые в XX ст. многочисленные международные документы в сфере регулирования различных правовых вопросов военной оккупации, в современных условиях, когда войны и вооруженные конфликты остаются реалиями международной жизни, не теряют своей значимости проблемы международно-правового регулирования режима военной оккупации и защиты мирного населения во условиях данного режима.

Отдельные вопросы, связанные с международно-правовым анализом режима оккупации, рассматривались в работах как отечественных, так и иностранных специалистов в сфере международного права в целом, а также специалистов в области международного гуманитарного права, в частности: Я. Броунли, К. Буна, Ф. Буше-Сольнье, М. Догеля, О. М. Толочка, Е. О. Коровина, В. М. Репецкого, И. Н. Арцибасова.

Под военной оккупацией понимают временное занятие вооруженными силами одного государства территории (части территории) другого государства и установление власти военной администрации на оккупированной территории. В условиях оккупации гражданское население и иные покровительствуемые лица оказываются особенно беззащитными, поэтому международное гуманитарное право стремится смягчить их участь посредством специальных мер, ограничивающих свободу оккупационных властей в некоторых вопросах [1, с. 283-284]. Основная идея права военной оккупации состоит в том, чтобы на время вооруженного конфликта сохранить на оккупированных территориях ранее существовавшее положение, с тем, чтобы обеспечить в будущем безболезненный возврат таких территорий соответствующему государству [2, с. 71-76].

В настоящее время режим оккупации получил свое нормативное закрепление в Гаагских Конвенциях 1899 г. и 1907 г., Конвенции о законах и обычаях войны 1907 г., Женевской Конвенции «О защите гражданского населения во время войны» 1949 г., а также в ряде статей Дополни-

¹ Студент 4 курса Института підготовки кадрів для органів прокуратури України Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого

тельного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов 1977 г.

Несмотря на разъяснения понятия оккупации, данные Гаагским положением 1907 г. и Женевскими конвенциями 1949 г., на практике не всегда легко определить ситуации, к которым это понятие относится. Согласно формулировке ст. 42 Гаагского положения 1907 г., территория, к которой применимо право оккупации, должна «действительно находиться во власти неприятельской армии», причем «занятие распространяется лишь на те области, где эта власть установлена и в состоянии проявлять свою деятельность» [3, с. 13-17]. Смысл данного положения очевиден, однако пример сектора Газы после отхода израильских войск иллюстрирует некоторые проблемы в понимании данной нормы международного права.

Так, 12 сентября 2005 г. последние израильские подразделения покинули сектор Газы, на территории которого они находились после Шестидневной войны 1967 г. Этот шаг был направлен на реализацию «Плана разъединения», принятого правительством Израиля 6 июня 2004 г. Согласно этому плану Израиль снимал с себя ответственность в отношении к лицам, проживающим на этой территории. Израиль сохранил значительный контроль над сектором Газа, хотя его войска физически больше не размещались на этой территории. В «Плане разъединения» четко указывалось, что Израиль будет и далее осуществлять контроль над границами этой территории, а также над воздушным пространством и прибрежными районами. Утверждение «установлена и в состоянии проявлять свою деятельность» можно истолковать таким образом, что современная техника позволяет оккупирующей державе эффективно контролировать территорию даже без военного присутствия. Согласно этой позиции оккупация Газы не прекратилась с выводом войск в 2005 г., поскольку можно сказать, что Израиль продолжает осуществлять на расстоянии власть, равную «эффективному контролю», требуемому в соответствии с правом оккупации [4, с. 98].

Однако другие специалисты считают, что более пристальное изучение текстов договоров показывает, что способность оккупанта осуществлять свою власть не может быть отделена от его физического присутствия на территории, находящейся под его контролем. Более того, невозможно себе представить соблюдение большинства норм оккупации, если не осуществляется присутствие на территории. Было бы парадоксальным требовать от государства выполнять его международные обязательства,

если оно не в состоянии сделать этого, потому что не присутствует на соответствующей территории. Подобное толкование противоречило бы основным принципам права оккупации [4, с. 113]. Пример сектора Газы показывает, до какой степени понятие оккупации может вызывать трудности при толковании, когда его нужно применить на практике.

Вместе с тем современное международное гуманитарное право исходит из положения, согласно которому оккупация не изменяет статуса оккупированной территории. Это можно заметить, исходя из анализа ст. 43 IV Гаагской Конвенции 1907 г., согласно которой занявший территорию неприятель обязан принять все зависящие от него меры к тому, чтобы, насколько это возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, и при этом он должен уважать «существующие в стране законы». Более того, правительство оккупированного государства во время оккупации может принимать законы и иные постановления, в том числе в изгнании, и эти законы должны применяться на оккупированной территории [5, с. 184]. Это дает возможность сделать вывод, что оккупация не влечет за собой перехода суверенитета оккупированного государства.

Право оккупации содержит несколько положений, которые касаются условий жизни гражданских лиц. В общем оно требует от оккупанта принятия всех зависящих от него мер «к тому, чтобы, насколько возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь». Права проживающих на оккупированной территории лиц полностью защищаются международным правом, и их правовое положение не может быть изменено односторонним актом оккупирующей державы.

Нормы, касающиеся условий жизни во время оккупации, являются общими и предоставляют дискреционные полномочия властям, несущим ответственность за их выполнение. Хотя такие нормы устанавливают определенные требования в отношении питания, здоровья, одежды и жилья, они не дают точных указаний относительно тех целей, которых необходимо достичь. Сами понятия «удовлетворительные условия» или «снабжение» могут пониматься очень по-разному [6, с. 215-217].

С учетом такой неопределенности некоторое разъяснение можно обнаружить в положениях международного права прав человека, в частности права на адекватное пропитание и права на здоровье [7]. С точки зрения прав человека под правом на адекватный уровень жизни подразумевается, что у каждого человека должны быть условия, необходимые для получения средств к существованию. Во время оккупации это обяза-

тельство выражается либо в гарантии того, что территория снабжается, либо в разрешении проводить операции по оказанию гуманитарной помощи и в содействии им. Что же касается здоровья, то минимальное нормативное содержание включает элементы из области здравоохранения и профилактических мер. Оно означает, например, обязательство обеспечивать доступ без какой-либо дискриминации к медицинскому обслуживанию, материалам и услугам, адекватное снабжение чистой питьевой водой и возможность получить основные лекарства, как это определяется Всемирной организацией здравоохранения.

Оккупирующее государство обязано уважать имущество, находящееся на оккупированных территориях. Статья 53 Женевской конвенции 1949 г. запрещает уничтожение оккупирующей державой любого движимого или недвижимого имущества, являющегося собственностью частных лиц или государства, за исключением тех случаев, когда это является «абсолютно необходимым для военных операций» [8]. Поскольку право военной оккупации принимает во внимание не только интересы гражданского населения на оккупированной территории, но и интересы оккупирующей державы. Поэтому цели в области соблюдения прав человека должны быть сопоставлены с военной целью, заключающейся в том, чтобы дать возможность оккупанту продолжать, насколько это в его силах, его военные усилия, направленные на поражение государства противника. Оккупирующая держава фактически участвует в вооруженном конфликте, который еще не закончен, и должна обеспечить не только уважение прав гражданского населения на оккупированной территории, но и безопасность оккупирующей армии и выполнение своих военных задач. Право военной оккупации поэтому предназначено обеспечить некоторый необходимый баланс между интересами местного населения и интересами оккупирующей армии. Характерной чертой права оккупации является учет этих двух противоположных аспектов. Общее соотношение сил между военными требованиями оккупанта и потребностями населения оккупированной территории не установлено; оно изменялось в значительной степени в течение десятилетий вместе с развитием международного права [9, с. 255–256].

Таким образом, оккупация является формой иностранного господства над территорией суверенного государства, и этот факт предопределяет неизбежность достаточно суровых условий для проживающего на оккупированных территориях гражданского населения. Однако нормы международного гуманитарного права все же по возможности смягчают

положение покровительствуемых лиц, ограничивая прежде беспредельную власть оккупирующей державы. Действия оккупационных властей в настоящее время контролируются посредством специальных международных институтов, призванных обеспечить права покровительствуемых лиц [5, с. 188].

Литература:

1. Буше-Сольнье Ф. Практический словарь гуманитарного права / Ф. Буше-Сольнье. – М. : МИК, 2004.
2. Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны / Ф. Кальсховен. – 2-е изд., испр. – М. : МККК, 1999.
3. Гаагская конвенция 1907 г. о законах и обычаях сухопутной войны // Ведение военных действий : сборник Гаагских конвенций и иных соглашений. – М. : МККК, 1995. – 224 с.
4. Вите С. Типология вооруженных конфликтов в международном гуманитарном праве: правовые концепции и реальные ситуации/ С. Вите // Международный журнал Красного Креста. – Т. 91 . – № 873. – Март 2009.
5. Толочко О. М. Режим военной оккупации в современном международном гуманитарном праве / О. М. Толочко // Альманах международного права / редкол. Кивалов С. В. (гл. ред.) и др. – Одесса: Феникс, 2009. – С. 180–188.
6. Вите С. Взаимодействие права оккупации с экономическими, социальными и культурными правами: вопросы питания, здоровья и ответственности / С. Вите // Международный журнал Красного Креста. – Т. 90. – № 871. – Сентябрь 2008.
7. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16.12.1966 г., статья 11, [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/995_043.
8. Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны // Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. – М. : МККК, 1997. – С. 137-211.
9. Кампанелли Д. Право военной оккупации через призму права прав человека / Д. Кампанелли // Международный журнал Красного Креста. – Т. 90. – № 871. – Сентябрь 2008.

Науковий керівник: доктор юридичних наук, професор, завідувач кафедри міжнародного права Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого І. В. Яковюк